

Григорий Бакланов написал много книг, и не только о войне, на которую ушел восемнадцатилетним мальчишкой, а вернулся боевым офицером с наградами и ранениями... Литература 60—70-х годов, что ни говорите, была богата на талантливых писателей и поэтов. Но творчество — всегда в той или иной мере инакомыслие... И кто-то сам уезжал за границу, кого-то выслали насильно, иные писали "в стол", а некоторые небескорыстно шли служить власти. Вспомним, какими огромными тиражами издавались и переиздавались бездарные романы литературных чиновников.

Бакланов оставался самим собой — не диссидентствовал, но и к власти не пробивался. Он писал свои рассказы, повести, романы. А когда началась перестройка, писатель Бакланов стал главным редактором журнала "Знамя", и на его страницах появились новые имена и произведения, известные только по "самиздату" или вообще не известные читателю, — "Собачье сердце" М.Булгакова, "Назначение" А.Бека, "Ночевала тучка золотая" А.Приставкина и многие другие. Это было особое время. Может быть, просто радостное прощание с социализмом?

МЫ ЕЩЕ ДЕМОКРАТИИ НЕ ВИДЕЛИ

азмом — много выступали, писали яркие публицистические статьи. Почему же сегодня большинство тех пламенных трибунов замолчало? Василь Быков, например, даже отказывается от интервью.

— У него тяжелое положение — там же практически установилась диктатура.

— А все остальные?
— А всех брать нельзя. Потому что в таком общем порыве люди, как оказалось, имели разные цели.

— Ну а вы, Григорий Яковлевич? Вы же тогда были избраны в Верховный Совет СССР?

— Да, и на следующий день отказался стать депутатом. Потому что не хотел, и в Союзе писателей, когда меня выдвигали, предупреждал, что не буду депутатом. У меня есть дело жизни — книги, которые я пишу. А в то время получилось так, что я азял на себя руководство журналом "Знамя". А двух этих дел, согласитесь, вполне достаточно. Политическая деятельность меня не интересовала.

— Руководство журналом — это тоже политика.

— Конечно, но в своей сфере. Кроме художественных произведений мы печатали и острую публицистику, экономические статьи. Но, вспоминая сейчас и анализируя, понимаешь, что никто из экономистов трезво и ясно не говорил, что нас ждет.

С экономистами получилось примерно так же, как с полководцами в Отечественную войну. Тех просто расстреляли, и во время войны учились другие. И учеба их стоила столько солдатской крови, что трудно сосчитать. Примерно то же — с экономистами. У нас ведь была так называемая экономика социализма, а реальной экономики не было. Соответственно, не было и экономистов с большим опытом и ясным видением общей картины. Учились в ходе перестройки. И сейчас уже даже те, кто начинал, например, приватизацию, — тот же Чубайс — признают, что совершали ошибки. Хороша ошибка — полное обнищание народа. Россия — страна со своими очень сложными условиями.

Как-то Гайдар сказал о Черномырдине, что тот уже многому научился, но эта учеба очень дорого стоила. А сколько Гайдар ошибался! Что это за финансовые преобразования, в результате которых люди теряют все свои сбережения? Или приватизация, в итоге которой возникли из воздуха гигантские состояния при общем обнищании...

— Считаете, могли предусмотреть, продумать все?

— Не знаю. Не было сильных экономистов, не было опыта, учились по ходу дела. Это наш исторический способ — учиться на ходу. Но мы этот путь пройдем, постепенно сдвинемся. Не может такая богатая страна с таким удивительно талантливым народом сгинуть. Почему я говорю — удивительно? Потому что ни один народ так не истреблял самого себя, как наш. И тем не менее сколько талантов!

— Отчего же в России всегда так трудно пробиться талантливым людям? Почему и нынче лезет серость, расталкивая всех локтями?

— А серость лезет в полном соответствии с устройством нашего общества. Возьмем самую большую трагедию последних лет — Чечню. Почему это произошло? А очень просто — человеческая жизнь как ничего

не значила, так она ничего не значит и сегодня. Бомбить свой город, своих граждан — это же уму непостижимо!

— Получается, ничего в нашем обществе так и не изменилось?

— Ну, я бы не сказал, что ничего. Все-таки общество влияет на власть. Посмотрите, как сейчас заинтересованы в голосах избирателей. В отличие от советского времени, когда 99,9 процента были "обеспечены", что бы ни происходило, сейчас зависимость прямая: выберут — не выберут. И депутаты сидят и одним глазом смотрят на тех, кого они лоббируют, а другим — на избирателей. Отношения стали все-таки иными.

— Более моральными? Или еще более циничными? Сегодня все только и говорят о падении нравов...

— Не уверен, что это так. Разве высоки были нравы, когда на собраниях "активисты" изничтожали своего товарища, а остальные молчали и голосовали? Это ведь была полная безнравственность. Нам многое надо изживать — тут и говорить нечего. Ницше говорил, что вера, убеждения — это тюрьма. Но, оказывается, без этой "тюрьмы" человек не может жить. А когда на слабый ум ложится вседозволенность — это ужасно. Отсюда и дикий всплеск наркомании, преступности... Но свобода — это не вседозволенность. Свобода — это право человека определять свою жизнь.

— И сколько же нужно времени, чтобы в России появился действительно свободный человек?

— Поколение. Минимум 30 лет. Демократия прежде всего должна быть нужна человеку, тогда она будет. А пока что ее как картошку сверху насадили.

— Сегодня слово "демократия", к сожалению, лишилось привлекательности, и во многом по вине самих демократов.

— Конечно, стыдно, что многие демократы оказались слабыми перед соблазнами: и проворовались, и за должность боролись, и т.д.

— А вы имели какое-то отношение к власти, не считая руководства журналом?

— После последнего съезда Союза писателей было создано бюро, которое руководило секретариатом СП. И я попал в члены этого бюро. Это был единственный случай, когда я несколько месяцев был во власти.

— То был еще Союз писателей СССР. А сейчас сколько всего писательских союзов и вообще нужны ли они писателю, вам, например?

— Мне лично не нужны, хотя я и числюсь в Московском союзе, которым руководит Юрий Черниченко. Есть еще один московский союз под руководством Гусева, существуют два российских и еще, по-моему, два союзных.

Конечно, то, что нет такого Союза писателей, какой он был, — это хорошо. Коллективизация литераторов не нужна. Но нужны профсоюзы, которые защищали бы интересы людей этой профессии.

— Что происходит сегодня с писателями, которых мы называли советскими? Ну с бездарями понятно — подальше в политику, в интриги, поскольку их творчество никого уже не интересует. Но, скажем, Валентин Распутин — талант-

ливый же писатель, почему он не пишет?

— Да, он человек был талантливый, безусловно. Но злость, с которой он все последние годы прожил, видимо, уничтожила в нем писателя. Распутин написал хорошие вещи. А потом появились другие кумиры, например, Рыбаков с "Детьми Арбата". Конечно, как художественное произведение — это весьма слабо, но политический успех сыграл свою роль. Читатели вдруг отвернулись от прежних кумиров. С этим трудно примириться.

А в общем, если ты что-то серьезное в жизни написал — оно никуда не денется. Литературы настоящей за эти 10 лет почти не появилось. За

— Знаете, когда я стал редактором журнала и мы начали печатать произведения, которые были под запретом цензуры, пробить их стоило большого труда. Это сейчас кажется, что просто. И, помню, была встреча с читателями. Я держался довольно осторожно, и кто-то из них сказал: "Вы в журнале гораздо смелее, чем сейчас говорите". А я ответил, что все время чувствую, что несу корзину яиц. Резкое движение — и они разобьются. Мне дороже журнал, чем если вы скажете: ах, какой он смелый человек...

Так же и с книгами. Я не лез ни в какую оппозицию, но никогда не лез и в начальство. У меня было дело жизни — написать мои книги.

Григорий БАКЛАНОВ:

хрущевское время, например, возникала новая литература. А какие имена появились в режиссуре — Товстоногов, Чухрай, Хуциев, Тарковский, Кончаловский... Целая культура возникла! И она осталась, никуда не исчезла.

— Почему, как вы думаете, этого не произошло за последние годы?

— Это не объяснимо. В разное время кровь страны отливает то к науке, то к искусству. Помните у Слуцкого — "Физики и лирики"? Сейчас, видимо, кровь прилила к бизнесу, информатике. Потому что впервые люди могут реализоваться в этих областях. Так и с кумирами.

— Лев Толстой писал, что девять десятых дурных поступков вызваны исключительно глупостью. Упрощая это, можно сказать, что все зло — от дураков?

— Нет. А умные люди какие глупости совершают! И глупости их серьезнее и страшнее, потому что они способны увлечь за собой людей. Думаете, Сталин был глуп? Наверное, и Гитлер был не глуп. А Ленин вообще великого ума был человек. Ну и куда они все завели двадцатый век? Германия очнулась, а мы ведь до сих пор никак не очнемся.

— А может, вообще десятилетие — это слишком малый срок, чтобы судить о том, что произошло с нашей культурой, литературой?

— Конечно, он мал. Скажем, Ремарк или Хемингуэй свои вещи о войне писали через десять лет после ее окончания.

— И вы тоже свою первую военную повесть выпустили в 1957 году, а знаменитую "Пядь земли" — через 14 лет после Победы.

— Да, какой-то странный срок. Причем так было практически со всеми — Быковым, Кондратьевым, Астафьевым, Васильевым... Исключение — Виктор Некрасов. "В окопах Сталинграда" он написал в 1947—1949 годах. Это была книга свободного человека. А сохраниться свободным в ту пору было необычайно трудно.

— Вы тогда себя не чувствовали свободным человеком?

— И соблазна не было занять какой-нибудь "теплый" пост?

— Меня это не соблазняло никогда. Кроме того, я не люблю, чтобы мной руководили — должен чувствовать себя свободным в своих поступках. Не уговорили же меня подписывать письма против Солженицына.

— Так просто было не подписывать? Наверное, не только уговаривали, но и давили?

— Расскажу один эпизод, связанный как раз с подписанием того знаменитого письма в "Правде", клеймившего Солженицына, под которым стояли подписи практически всех известных писателей. Было лето, мы с женой договорились, что я буду жить в Москве, поскольку на даче не скроюсь — все на виду. Она мне звонила условным звонком. А тут вдруг телефон звонит непрерывно минут двадцать. Я спустился во двор. Через некоторое время подъехала черная "Волга", из нее вышел человек, вошел в мой подъезд, потом вернулся и уехал. Это меня разыскивали, чтобы подписать это письмо. Я тут же уехал из Москвы.

Нет, это не публичный протест. Да, я выступал в защиту Солженицына на секции прозы. Но так же, как во власть я не хотел, так не хотел и в диссиденты. Мне гораздо важнее было написать то, что я написал. Скажем, роман "Июль 41 года" запрещали 12 лет. Но я его написал, и он издавался. Вот это для меня всегда было важнее.

— Григорий Яковлевич, по вашим произведениям снято несколько фильмов. Какой из них вы больше всего любите?

— Фильмов было восемь или девять, но люблю я только один, который поставил Марлен Хуциев — "Был месяц май". Это единственный фильм, который я считаю своим не только по авторству — по душе.

— И напоследок — традиционный вопрос: над чем сейчас работает писатель Бакланов?

— Заканчиваю книгу "Подводя итоги" для серии "Мой XX век" издательства "Вагриус".

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.